

Памятники материальной культуры, как инструмент строительства русской нации (на материалах Восточной Балтии)

Гапоненко Александр, д.э.н.

Институт Европейских исследований, Латвия.

1.0. «Бронзовый Солдат», как символ русский нации

В конце апреля 2007 года эстонские власти демонтировали памятник освободителям Таллина от нацистской оккупации, получившего известность как «Бронзовый солдат», и перенесли его на воинское кладбище, расположенное на окраине города. Местными русскими демонстративные действия властей по принижению общественного статуса этого, на первый взгляд, типично советского по своей форме, монумента были однозначно расценены, как оскорбляющие национальное достоинство. Начались массовые выступления русского населения в защиту «Бронзового Солдата». Протест был жестоко подавлен силами полиции: сотни избитых и арестованных, пролитая кровь, смерть Дмитрия Ганина.

Борьбу эстонских русских за сохранение национальных символов сразу же поддержали русские в Латвии и Литве, поскольку опасались распространения «бронзового» синдрома и в своих собственных странах. Российское руководство сначала выразило властям Эстонии публичный протест, а затем ввело против нее негласные экономические санкции, которые продолжают действовать до настоящего времени.

События вокруг «Бронзового солдата» в Таллине разыгрались после почти двух десятков лет последовательного уничтожения правящими элитами стран Балтии многочисленных памятников революционерам, видным коммунистическим и советским деятелям. Все эти действия сколько-нибудь заметных протестов со стороны местного русского населения и России до апреля 2007 года не вызывали.

Превращение типично советского монумента в русский символ стало важным проявлением глубинных сдвигов, которые до этого подспудно развивались внутри русской нации, как в самой России, так и в русском рассеянии. Суть этих сдвигов большая часть властной российской элиты до сих пор не поняла. Во всяком случае, вывод напрашивается из того факта, что культурная и политическая элита фактически не

поддержала инициативу российского президента по защите «Бронзового Солдата» в Таллине, а вместе с ним и других памятников советским воинам в Восточной Европе. Разнонаправленные же действия российской правящей элиты неизбежно вызвали желание геополитических конкурентов вновь использовать такой инструмент ослабления русской нации, как уничтожение или унижение ее памятников материальной культуры за пределами России.

В опубликованной научной литературе существует большое количество серьезных теоретических работ по национальной проблематике, в том числе есть интересные труды, посвященные вопросам строительства русской нации (1-8). Сложилось целое научное направление исследующее инструменты национального строительства, включая различного рода знаки, символы и памятники (9-12). Однако крайне мало общетеоретических работ посвященных памятникам русской материальной культуры вообще и зарубежным памятникам в частности (13-15).

Опираясь на уже существующие теоретические наработки и практический материал, накопленный проживающими в странах Балтии исследователями, автор в настоящей статье ставит цель уточнить место и роль памятников материальной культуры в процессе формирования русской нации, а также сформулировать на этой основе практические рекомендации по использованию этих памятников в качестве инструмента укрепления позиций балтийских русских общин в частности и русской нации в целом. Страны Балтии выбраны в качестве объекта анализа в связи с тем, что русские общины в них, с одной стороны, являются давно укорененными и способными к самовоспроизводству. С другой стороны, они подвергаются крайне сильному дискриминационному и ассимиляционному давлению со стороны правящих элит титульных наций, и потому нуждаются в эффективном инструментарии противостояния этому давлению.

2.0. Памятники материальной культуры и формирование нации

2.1. Место и роль памятников материальной культуры в социальном процессе.

Жизнедеятельность людей в социуме протекает в двух основных подразделениях: экономическом, в котором создаются материальные

средства существования человека, и в социальном, в котором происходит формирование способностей самого человека. Над этими, базовыми, подразделениями общественного воспроизводства, возвышается политическая надстройка, которая выполняет функции принуждения людей к соблюдению определенного порядка действий внутри социума, а также обеспечивает защиту последнего от разрушительного воздействия внешних сил.

Происходящие в экономическом подразделении общественной жизни процессы достаточно адекватно описываются с помощью теории трудовой деятельности и вытекающей из нее теории стоимости (16-18).

Мы, вслед за некоторыми другими исследователями, полагаем, что трудовая теория имеет общеметодологическое значение и вполне может быть применена к описанию социальной сферы (19, 20). Остальные исследователи описывают эту сферу, иногда называя ее сферой культуры или быта, исключительно как неупорядоченный набор разнонаправленно действующих факторов, ресурсов и эффектов (21,22).

Применяя научный аппарат теории трудовой деятельности к анализу социальной сферы, можно рассматривать последнюю, как сферу специфической волевой и целенаправленной деятельности людей по формированию своих собственных способностей или способностей других людей. В социальной сфере человек выступает, одновременно, предметом, субъектом и продуктом этой специфической трудовой деятельности. Свообразными же средствами труда в ней являются материальные средства существования человека: продукты питания, одежда и обувь, жилье, транспортные средства, здания и многое другое. Каждый вид материальных средств существования позволяет, тем или иным образом, формировать определенные социальные характеристики людей.

Социальный процесс всегда носит общественный характер, то есть в нем участвует множество людей, каждый из которых выполняет свою, частичную, трудовую функцию и потом обменивается результатами ее осуществления с другими людьми. Обычно производимый в социальной сфере внешний эффект деятельности описывается как услуга (23).

Основная часть трудовых затрат по формированию способностей человека и потребление основной части материальных средств существования в настоящее время осуществляется человеком в рамках первичной общественной ячейки – семьи (24,25).

На известном этапе развития разделения и кооперации общественного труда в рамках социального процесса возникают специализированные подразделения – социальные институты. Они представляют собой относительно обособленные группы людей, связанных между собой отношениями внутренней кооперации и обмена труда и использующих обособленные комплексы материальных средств воздействия на других людей. Такого рода социальными институтами являются церкви, школы, университеты, театры, филармонии, средства массовой информации и т.д.

Всю совокупность материальных средств существования используемых в семье и в рамках социальных институтов для формирования способностей человека можно определить как предметы материальной культуры в широком смысле этого слова.

Совместная социальная деятельность предполагает выработку и поддержание всеми членами общества единых целей и норм поведения. Они формулируются в религиозных верованиях, в передаваемых изустно или в письменной форме наборах художественных образов, воспроизводятся в спектаклях, фильмах, воплощаются в идеологических концепциях, отображаются в картинах, скульптурах, архитектурных произведениях и т.д. Все эти, артикулированные вербально или с помощью образов, движений и знаков цели и нормы социального поведения представляют собой духовные (нематериальные) ценности или, иначе, духовную культуру общества.

Часть материальных средств существования используется преимущественно для выработки и поддержания духовных ценностей общества. Эту часть материальных средств существования человека следует определить, как предметы материальной культуры в узком смысле этого слова.

Предметы материальной культуры в узком смысле этого слова двойственны по своей природе: они выполняют и чисто утилитарные, и

символические функции. Храм, например, это и место укрытия людей от непогоды, и вместилище сакральных ценностей. Символические функции в этом классе предметов всегда преобладают над утилитарными. Символические функции могут отделяться от своих основных материальных носителей и переноситься на их заместителей, и жить самостоятельной жизнью, которая также имеет реальное воплощение. Например, здание храма, даже если его превращают в атеистический музей, остается сакральным символом и воздействует на людей одним своим внешним видом. С помощью знаков можно отображать очень сложные духовные ценности: образование социальной общности, ее победу над врагами и т.д. Таким образом, возникают стеллы с надписями, триумфальные арки, изображения сказочных животных, монументы реальным или мифическим героям.

В том случае, когда предметы материальной культуры в утилитарном или символическом виде выполняют функции носителей духовных ценностей, «напоминают» о них, они становятся памятниками культуры.

2.2.Формы памятников материальной культуры.

К памятникам материальной культуры, в первую очередь, относятся предметы, связанные с деятельностью такого важного социального института как церковь. Священник общается с прихожанами, используя особый набор средств воздействия. Архитектурные и изобразительные средства – внутреннее устройство храма (зал, иконостас, алтарь, приделы), иконы с изображением ипостасей Бога, апостолов, святых и мучеников за веру, картины, изображающие сцены из Священной истории, изображения священных символов (распятый, крестов), и т.д. Материальные средства – ритуальные предметы (мощи святых, одеяния, светильники, чаши, хоругви, и т.д.), священное миро, воздействующее на кожу человека, ладан, воздействующий на обоняние. Вербальные средства – от проповеди, чтения Евангелий и трудов церковных деятелей, коллективной молитвы и произнесения вслух символа веры до служебных песнопений, исполняемых специальным хором, и колокольного звона. Мистические средства – претворение хлеба и вина в плоть и кровь Христову. Все эти материальные объекты приобретают особое значение для верующих и через них для всего общества становятся сакральными.

Поскольку предки являют первоначальные образцы поведения для своих потомков, то все предметы, связанные с жизнью предков, места их захоронений и возводимые над этими местами памятные знаки, также приобретают сакральный характер.

Светские правители укрепляют власть за счет придания ей сакрального характера. Власть либо присваивает сложившиеся и общепринятые сакральные символы, либо разрабатывает собственную символику и соответствующий ей ритуал. Эта символика создается в виде корон, скипетров, мечей, держав, гербов, девизов. Властная символика украшает здания, в которых живут властители и в которых они отправляют властные полномочия (дворцы, государственные институты, суды, воинские штабы и казармы). Правители распространяют на подвластно территории собственные изображения в скульптуре, на монетах и картинах, сооружают различные монументы, в память важных событий, связанных с властью.

Сакральная и властная символика имеют тенденцию к взаимопроникновению и смешению. Таким образом под эгидой правителей и церкви появляется символика определенной социальной общности, пронизывающая социальную сферу от государственного официоза до частной жизни.

К памятникам материальной культуры в узком смысле этого слова относятся также все те предметы, которые имели особое значение для формирования светских духовных ценностей. Это рукописи мыслителей, писателей, композиторов, государственных и общественных деятелей, оригиналы творений художников, скульпторов, архитекторов, личные вещи которые принадлежали всем этим общественно значимым личностям, а также здания, в которых они жили или трудились. В честь этих общественно значимых личностей также возводят специальные монументальные сооружения, которые несут в себе в определенный набор духовных ценностей.

К памятникам материальной культуры следует отнести также все то, что является материальным свидетельством истории жизнедеятельности социума – типичные для его членов жилые дома, общественные здания, производственные и инженерные сооружения, равно как и предметы быта, одежда и обувь, украшения, оружие, средства транспорта, книги и т.д. Общественную значимость имеют и

потерявшие свою первоначальную форму останки памятников материальной культуры, места их нахождения в прошлом, места связанные с важными общественными событиями, даже если они не отмечены памятными знаками.

По своему материально-вещественному составу памятники материальной культуры делятся на движимые и недвижимые. Памятниками культуры они становятся тогда, когда соответствующим образом собраны, систематизированы, описаны, помещены на ответственное хранение и в силу этого становятся публичными, т.е. вводятся в научный, культурный и социальный оборот.

Движимые памятники могут перемещаться в пространстве без причинения вреда их социальной природе. Это картины, скульптуры малых и средних форм, одежда, посуда, оружие, книги, архивные документы и т.д. Будучи извлеченными из социального контекста, такие памятники, как правило, не утрачивают своего значения, хотя оно и может быть значительно снижено при перемещении. Так, место человеческих останков и принадлежащей им погребальной утвари в могиле, но в случаях, когда недвижимый памятник может быть безвозвратно утрачен, перемещение таких предметов в музей вполне обосновано.

Недвижимые памятники материальной культуры это архитектурные или ландшафтные объекты – здания, сооружения, монументы, парки, места сражений, кладбища. Такие объекты постоянно открыты обозрению окружающих людей, однако собственно памятниками они становятся лишь тогда, когда зрителям известно заключенное в них духовное, историческое или культурное содержание. Для этого распространяют информацию о духовном содержании памятников в средствах массовой информации, выпускают популярные книги, фотоальбомы, почтовые открытки, марки, сувениры, и т.д. Внутри или рядом проводят регулярные собрания, конференции, устраивают массовые гуляния или балы. В дни социальных потрясений в таких местах собираются на массовые митинги.

Недвижимые памятники при перемещении в пространстве получают непоправимый ущерб, который выражается не только в утрате физических характеристик, но и в разрыве связи с окружающим культурным пространством

2.3. Конкуренция наций и памятники материальной культуры.

В зависимости от уровня развития разделения и кооперации общественного труда, а также характера используемых материальных «средств производства» социальный процесс принимает различные общественные формы. Наиболее простыми, органическими по своей природе, являются семья, род, племя. Более сложными, институциональными, являются народность, народ, нация (26, 27, 28).

Зрелая нация предполагает наличие таких социальных институтов, как школы и университеты, газеты, журналы и другие средства массовых коммуникаций. Именно с их помощью происходит формирование основной части духовных ценностей национальной общности, обеспечивается единство действий всех ее членов. Неотъемлемой составной частью системы воспроизводства нации является максимально доступный набор памятников материальной культуры, несущих в себе национальные духовные ценности.

В современном мире одновременно сосуществует большое количество наций и других, более простых, этно-социальных образований. Все они постоянно конкурируют между собой в экономическом, социальном и политическом плане.

Нации в экономической сфере борются между собой за территории проживания и находящиеся на них естественные ресурсы, за рынки сбыта производимой продукции, места приложения капиталов, рабочую силу. В социальной сфере идет борьба за души людей, которая принимает форму борьбы систем национальных духовных ценностей. Более привлекательные духовные ценности позволяют создавшей их нации легко вовлекать в свой состав представителей других народов и народностей, укрепляться за их счет. В политической сфере нации применяют насилие по отношению к своим конкурентам. Делается это для того, чтобы их ослабить, или даже уничтожить, присвоить принадлежащие конкурентам экономические блага. Одной из форм политической борьбы является присвоение, уничтожение или умаление значимости чужих памятников материальной культуры.

По различным причинам не все члены нации живут в одной стране, под защитой собственных государств. Те члены нации, которые

оказываются в чужих странах на положении инородцев могут быть понуждаемы к выезду за пределы страны своего проживания, либо подвергаться физическому уничтожению - геноциду. Давление на инородцев со стороны господствующей нации может осуществляться также в форме экономической и социальной дискриминации. Лишенным защиты своего государства инородцам могут насильно навязывать господствующую веру и светскую культуру, чужой язык, устанавливать для них запреты на деятельность их социальных институтов. Все это затрудняет социальное воспроизводство инородцев, облегчает их ассимиляцию.

Одной из основных форм подавления инородцев является принижение общественного значения или даже уничтожение памятников их материальной культуры, изменение (корректировка) или даже придание ложного смысла.

3.0.Балтийские русские и их памятники материальной культуры

3.1.Начало формирования русской нации в Восточной Балтии в XVIII - середине XIX вв и ее памятники материальной культуры.

Русская нация начала формироваться в рамках многонациональной Российской империи в первой четверти XVIII века. Ее основу составил великорусский народ, который с этого времени, в дополнение к системе православных духовных ценностей, стал формулировать привлекательные светские цели и нормы поведения. С их помощью великороссы и начали консолидировать вокруг себя представителей соседних народов и народностей, совместно с ними стали трансформироваться в новую, более высокую, социальную общность - русскую нацию.

Строительство русской нации потребовало корректировки великорусского православного мировоззрения и вызвало церковный раскол. Однако само строительство шло, главным образом, с помощью вновь создаваемых светских социальных институтов: школ, университетов, библиотек, газет, театров. Вновь созданные социальные институты первоначально ориентировались на западноевропейские образцы, но скоро стали вырабатывать свои собственные идеи и художественные образы, распространять их среди правящего тогда дворянского класса. Появились оригинальные русские мыслители,

писатели, художники, скульпторы, архитекторы. Стали издаваться собственные газеты, развилось массовое книгопечатание, а вместе с ними стал шире распространяться русский язык. Возник русский театр.

В это время уже существовала традиция придания храмам, дворцам, крепостям, важным гражданским зданиям особых великорусских форм, украшения их символами православной веры и русского самодержавия. Теперь в формах возводимых зданий стали воплощаться идеи могущества, богатства и стабильности, на них появились символы всеохватывающей Российской империи. В городах начали строить здания, предназначенные специально для размещения школ, университетов, театров, библиотек, музеев, архивов. Последние стали наполняться книгами, коллекциями предметов материальной культуры, документами. Стали устанавливать колонны, арки и другие памятные знаки в честь побед русского оружия и во славу императоров, приступили к сооружению памятников императорам, выдающимся полководцам, а затем и писателям, другим творческим личностям.

Российская элита хорошо понимала значимость создаваемых недвижимых памятников культуры для формирования подвластной социальной общности. Средства на сооружение храмов, монастырей, собственно памятников, обычно складывались из добровольных пожертвований народа и ассигнований государственной казны. Проекты составляли ведущие скульпторы и архитекторы, отбиравшиеся на конкурсной основе. Проекты всех памятников, а также важнейших административных и общественных зданий утверждались лично самодержцами. Для сооружения памятников и украшения ключевых зданий использовались дорогостоящие и долговечные материалы – бронза, гранит, мрамор. Рядом с памятниками регулярно проводили празднества, массовые гуляния, издавали памятные открытки и альбомы, чеканили медали.

Параллельно с формированием русской нации происходило стремительное расширение Российской империи и в ее состав включались новые народы и народности. Эти новые, инородные по отношению к русским, подданные были многочисленны, и вовлечение их в единую нацию требовало больших социальных усилий и времени. Поэтому новые территории первоначально получали статус национальных провинций, в них длительное время не проводилось

радикальных экономических и социальных перемен. Одной из такого рода национальных провинций стала территория Восточной Балтии.

В Восточной Балтии русские народности начали селиться еще в XI-XII веках. Однако в XIII-XVII веков, под влиянием немецкой, польской и шведской экспансий, основная часть русского населения была либо вытеснены из этих мест, либо ассимилирована(29, 30).

В начале XVIII века Петр I присоединил к Российской империи Лифляндию и Эстляндию. В новых национальных провинциях было назначено высшее российское административное руководство и размещены воинские гарнизоны. Основная административная и хозяйственная власть была оставлена в руках остзейского немецкого дворянства. Оно же держало под контролем господствующую лютеранскую церковь, определяло все направления светской духовной жизни. Немцы были также торговцами и ремесленниками в городах. Основную массу местного населения составляли латышские и эстонские народности. Они были крепостными крестьянами и жили исключительно в сельской местности.

В конце XVIII века к Российской империи были присоединены Курляндия, Лифлянт Польские и Виленский край. На территории первой власть также была передана остзейцам, на территории последних - польским дворянам. В последних сохранилось духовное господство католической церкви, преобладала польская светская культура. Основное население Лифлянт Польских составляли латгалы, Виленского края – литовцы. Латгалы и литовцы были крепостными крестьянами и жили преимущественно в сельской местности

Русские дворяне, за исключением высшей аристократии, землю во вновь присоединенных провинциях не получили. Основную часть немногочисленного русского населения в этих провинциях составляли крестьяне, как свободные, так и крепостные. Русские купцы и ремесленники находились в приниженном экономическом и социальном положении, жили в городских предместьях.

Двойственное положение высших и низших слоев русского населения отражалось в содержании и формах создаваемых им в рассматриваемый период времени объектах недвижимой материальной культуры.

Император Петр I приобрел для своих нужд в первой четверти XVIII столетия уже построенные немцами дома в Нарве, Ревеле (Таллине) и Либаве (Лиенае). Затем, в Риге он построил летний дворец и разбил вокруг него парк. Здесь же, на месте подаренного городским магистратом дома, им был построен зимний дворец (архитектор Н.Васильева). В предместье Ревеля императором был заложен новый дворцово-парковый ансамбль Кадриорг (архитекторы Н.Микетти, М.Земцов).

В Риге и Вильно (Вильнюсе) российские губернаторы заняли уже построенные до них дворцы, но подвергли их существенной реконструкции, в том числе устроили внутри домовые православные церкви. В Вильно реконструкцию провел архитектор В.Стасов, в Риге - Н.Васильев и П.Бок. В Ревеле для нужд губернского управления было построено новое здание (архитектор И.Шульц).

Все дворцы и административные здания являлись олицетворением имперского могущества, богатства и монументальности. Для акцентирования этих идей использовалось украшение зданий символами имперской власти, гербами, девизами.

Аналогично императорам и губернаторам, дворцы, замки и имения строила высшая российская аристократия. В середине XVIII века российский ставленник в Курляндии Э.Бирон построил дворцово-парковый ансамбль в Рундале (архитекторы Б.Растрелли и Н.Васильев), который после него перешел сначала в собственность семейства графа Зубова, а потом рода Шуваловых. В это же время был создан дворцово-парковый ансамбль фон Ливенов в Межотне, дворец и парк Зубовых в Шауляе, дворец и парк Нарышкиных в Жагаре. В начале XIX века строится усадьба Бенкендорфов в Эстляндии – Фаль.

В последней четверти XVIII века, по проекту инженера А.Вильбоа была реконструирована Рижская Цитадель. Наряду с военными укреплениями, в ней были построены дом коменданта, жилые дома офицеров, казармы, православная церковь. В это же время проводится реконструкция Даугавгривской крепости в устье Двины. В первой трети XIX века начинается реконструкция Динабургской (Двинской, Даугавпилской) крепости (фортификатор А.Штауберг).

В начале XIX столетия в Риге и Динабурге строятся здания военных госпиталей (А.Штауберг), артиллерийский арсенал (архитектор Ф.Демерцов) и арсенал-пакгауз (архитекторы И.Лукини, А.Неллингер) в Риге. В Ревеле в 1786 году был построен дом коменданта (И.Шульц). На средства российской казны в 1765 году в Риге российским полковником И.Эттингером строится здание городской Ратуши. Военные сооружения, казармы возводятся и в ряде других городов. Все они строятся по утвержденным в Санкт-Петербурге проектам, богато украшаются символами принадлежности к Российской империи.

В Риге, Ревеле, Дерпте (Юрьеве, Тарту) еще в XIII-XIV веках существовали большие русские подворья, застроенные жилыми домами, храмами, торговыми зданиями, складами, но позже они были присвоены или разорены немцами, шведами, поляками.

В XVIII – первой половине XIX веков каменные здания гражданского назначения русскими в городах строились мало. Для жилья и торговли арендовались уже возведенные немцами здания. Например, дом, построенный в Риге купцами Камариными, был исключением. Зато предместья балтийских городов застраивались одноэтажными деревянными домами. В Московском форштадте Риги еще сохранились построенные в рассматриваемый период дома купцов Поповых, Мухиных и ряда других. В Таллине сохранились остатки Екатерининской и Татарской слобод, в Пярну (Пернов) – Морской слободы, когда-то имевших чисто русское население.

Из общественных зданий можно отметить, сохранившуюся до настоящего времени, гостиницу «Санкт-Петербург» в Риге, которая была местом проживания многих известных русских чиновников, писателей, артистов.

Русские крестьяне в сельской местности жили в одноэтажных деревянных избах, во многом схожих с теми, которые строили себе латышские, эстонские, литовские крестьяне.

Православные церкви возводились по всей территории Восточной Балтии первоначально для лишь нужд русского населения. Латышей, эстонцев, литовцев в православие принимали с ограничениями, поскольку этого не хотело немецкое и польское дворянство. Наиболее известными православными храмами из созданных в рассматриваемое

время являются: Свято-Алексеевский (Н.Васильев, 1745), Преображенский Даугавгривской крепости (архитектор А.Вист, 1771-1776), Петра и Павла (архитектор С. фон Лауренберг, 1786), Свято-Троицко-Задвинский (1781), Благовещенский (архитектор Т.Щульц, 1715-1818), Александро-Невский (архитектор Х.Брейткрейц, 1815) в Риге. В Тарту это Свято-Успенский храм (архитектор П.Шпекле, 1783), в Пярну св. Екатерины (архитектор П.Егоров, 1768), в Ревеле храмы Рождества Пресвятой Богородицы (1721) и Свято-Никольский (архитектор А.Руска, 1827). В Митаве (Елгаве) возводится храм Святых Семиона и Анны (архитектор Б.Расстрели, 1750).

Большинство проживавших в Литовской губернии русских было ранее принудительно обращено польскими властями в униатство. В силу этого, во всем крае действовал только один православный храм в Вильно в Свято-Духовом монастыре. Несколько позже к Свято-Духову храму приписали Свято-Евфросиниевскую кладбищенскую церковь (архитектор Н.Чагин, 1838).

Православные Свято-Духов монастырь в Вильно (реконструирован И.Глаубицем в 1753) и Свято-Духов монастырь в Якобштадте (Екабпилсе, реконструирован А.Кизельбашем в 1888) были важнейшими центрами русской духовной жизни в Восточной Балтии. В них готовили священников, переписывали служебные книги, писали иконы.

В местах захоронения усопших русские организовывали кладбища. Наиболее значимыми можно назвать православное кладбище Святого праведного князя Александра Невского в Ревеле (ныне Сизелинна, 1775), Евфросиньевское кладбище в Вильно (1796), кладбище 92-го Печерского полка в Нарве (1856), Успенское кладбище в Дерпте, Покровское (1773) и Ивановское (1777г.) кладбища в Риге.

На могилах православных устанавливались кресты, возводились памятники и мавзолеи. Следует отметить мавзолей полководцу М.Барклаю де Толли в Йыгвесте (архитектор А.Щедрин, 1823), памятник русским воинам павшим в сражении 9 августа 1704 года под Нарвой (1853), надгробие на могиле адмирала Крузерштерна в Домском соборе Ревеля (И.Экснер, 1848), надгробие на могиле полководца Я.Кульнева в Илзене (1812), семейное захоронение

адмирала Изыльметьева на Александро-Невском кладбище в Ревеле, украшенное морскими якорями и цепями.

Наряду с православными в Восточной Балтии проживало большое количество староверов. Они возводили свои моленные, устраивали свои кладбища. Среди них отметим храм Успенья Пресвятой Богородицы в Риге (1793), Бобришскую церковь Введения во храм Богородицы (1819), храм в причудском селе Кикита (1740).

В это время уже появляются и монументы возводимые в общественных местах, а потому несущие особую символическую нагрузку. В Дерпте, например, устанавливается бюст полководцу М.Барклаю де Толли (архитекторы В.Демут-Малиновский, А.Щедрин, 1849), в Риге – колонна Победы в Отечественной войне 1812 года (архитектор Дж.Кварнеги, 1817), в Ковно монумент Победы в Отечественной войне 1812 года (1848г.).

Российская империя поддерживала развитие русского образования и культуры в национальных провинциях. Вначале упор делался на народные училища, которые действовали при православных церквях. Высшие и средние учебные заведения в это время еще не служили цели формирования единой нации. В Дерпте, например, в 1802 году император Александр I открыл университет, для его нужд был выстроен целый комплекс зданий (архитектор И.Краузе, 1809), на содержание выделили немалые средства. Между тем, преподавание в университете велось на немецком языке, немцы составляли основной контингент преподавателей и студентов. В открытом в 1803 году Виленском университете обучение сначала велось на польском и на латыни, преподавали и учились в нем в основном поляки и немцы. Постепенно преподавание начало переводиться на русский язык, но после антирусского восстания в 1832 года университет был упразднен с реорганизацией двух его факультетов в католическую Духовную академию и Медико-хирургическую академию, позднее перемещенных соответственно в Санкт-Петербург и Киев. На немецком преподавали и, в частном тогда, Рижском политехникуме, в большинстве средних частных школ Восточной Балтии.

3.2. Русская нация на территории Восточной Балтии в середине XIX - начале XX веков и ее памятники материальной культуры.

Со второй половины XIX века в Российской империи началось быстрое развитие капиталистических отношений, которое потребовало модернизации всех сфер общественной жизни, в том числе активного включения государства в процесс национального строительства. Царское правительство, особенно при императорах Александре III и Николае II, стало проводить более целенаправленную национальную политику на имперских окраинах. На последние было распространено действие общероссийского законодательства, отменены привилегии местных дворян, государственную поддержку получила православная церковь, изменилась политика образования, делопроизводство перевели на русский язык. Были также сняты запреты на переселение русских на окраины империи, на приобретение ими недвижимости.

В Восточной Балтии русские получили равные права с немцами и поляками и стали успешно конкурировать с ними в экономической и социальной сферах. Численность русского населения на рассматриваемых территориях начала возрастать, как за счет высоких показателей естественного воспроизводства, так и за счет притока рабочей силы из Великороссии. Более полноценной стала социальная структура русского населения. Помимо высшего чиновничества, военных и крестьян, появилось местное русское служилое дворянство, расширилась прослойка купцов и ремесленников, сформировались самостоятельные слои промышленников и наемных рабочих, сложилась своя интеллигенция.

К началу XX века в Восточной Балтии уже проживало влиятельное русское меньшинство, которое постепенно привлекало на свою сторону латышскую, литовскую и эстонскую буржуазию и интеллигенцию, широкие слои титульного населения. В целом, шло достаточно успешное формирование единой русской нации, при этом сохранялись возможности для развития национальной жизни всем населявшим эту территорию народам.

Данная модель национальных отношений поддерживалась, помимо всего прочего, с помощью развитой системы русских памятников материальной культуры.

В дополнение к уже созданным ранее административным зданиям, дворцам аристократии, военным сооружениям строится целый ряд новых. В 1889-1890 годах, по проектам архитектора В.Неплюева, в Ковно строятся казармы, штабные помещения, жилые дома, а в 1889-1915 годах, по проекту архитектора Н.Обручева, возводятся форты Ковенской крепости. В 1890 году начинается строительство военного Порта императора Александра III в Либаве, а в 1912 году строительство морской крепости Императора Петра Великого под Ревелем, с соответствующим набором зданий военного и гражданского назначения. Все эти здания несли в своем облике отпечаток принадлежности к Российской империи были украшены соответствующими символами.

Отдельно следует отметить Виленское пехотное училище, которое обрело свое собственное здание в 1864 году. Училище было не только центром подготовки офицеров для российской армии, но и значимым центром русской культуры.

О расширении присутствия русского дворянства на территории Восточной Балтии свидетельствуют построенные в рассматриваемое время усадьбы Пушкиных в Маркучяй (1868), Столыпиных в Калнабарже (1870-1875), Корецких в Михново (конец XIX столетия), Верекиных в Вижунеляй (конец XIX столетия), замок Орловых под Ревелем (архитектор Р.Гедеке, 1884), поместье князей Волконских в Кейла-Йоа, замок Кропоткиных в Сигулде (архитекторы Я.Менгелис, А.Биркзан, 1881), имение Зоснас князей Голицыных под Режицей, имение Жемчужниковых в Лобарж (1870-1875), и ряд других.

Материальным свидетельством важной общественной роли русских промышленников и банкиров служат построенные ими жилые дома, банки, конторы, заводы. В Вильно архитектором К.Короедовым строятся, например, многоэтажные дома для промышленника Г.Янова (1897), банкиров И.Бунимовича (1897) и И.Смаженевича (1899). Архитектором М.Прозоровым здесь же возводятся здания отделения Русского государственного банка (1909) и Русско-азиатского банка (1891). В Ревеле строятся дома купцов Епинатьевых, Деминых, семейные жилые дома русских служащих и военных в ревельском Форштадте. Купец Г.Елисеев возводит виллу в Тойла-Ору (архитектор В.Барановский, 1897). В Риге в конце XIX столетия многоэтажными каменными жилыми домами начинает застраиваться Московский

форштадт, возводятся дом промышленника Майкопара (архитектор Р.Пфлуг), дом страхового общества «Россия» (архитектор Н.Проскурин, 1907) и множество других.

В Риге открываются такие крупные предприятия, как машиностроительный завод «Феникс» (архитектор К.Фелско, 1897), электротехнический завод «Унион» (архитектор Г.Шеел, 1900.), Руссо-Балтийский вагонный завод (1869), велосипедная фабрика Лейтнера «Россия», Кузнецовский фарфоро-фаянсовый завод (1851). В Ревеле в 1861 году основывается завод «Ильмарине», в 1912-1916 годах архитектором А.Дмитриевым возводятся здания Руссо-Балтийского судостроительного завода. В 1870-1890 годы в Эстляндии основывается Кренгольмская мануфактура, в при ней казармы для рабочих и больничный комплекс (архитекторы Гейндрихсен, П.Алиш, А.Владовский). Все эти заводы принадлежат русским предпринимателям или российской казне, работают на них преимущественно русские рабочие и инженеры.

В крупных городах русскими открываются различные общественные заведения, либо русские становятся на них основным персоналом. В Риге это, например, гостиница «Метрополь» (архитектор А.Эдельсон, 1871), первая городская больница (архитекторы И.Фелско, Р.Шмерлинг, 1873), богадельня Ф.Садовникова (И.Фелско, 1876), в Кммерне(Кемери) государственная водолечебница с православным Петропавловским храмом на ее территории (1893).

Строительство железных дорог, открытие почты, ряда других учреждений также привлекает на них множество русских инженеров, служащих и рабочих. В Риге, например, строится железнодорожный вокзал, здание правления Рига-Орловской железной дороги (1911), здание Главного почтамта и телеграфа (архитектор Л.Новиков, 1904). Железнодорожные вокзалы возводятся и в Вильно, Ревеле, Двинске, ряде других городов. Русскими инженерами и рабочими в 1900-е годы в Виндаве и Либаве строятся морские торговые порты, возводится большое количество мостов и других инженерных сооружений, а также общественных зданий и жилых домов.

Во второй половине XIX века царским правительством начинает оказываться серьезная поддержка православной церкви, которая несет

на себе основную идейную нагрузку по национальному строительству в Восточной Балтии.

В Вильно восстанавливаются, пришедшие ранее в упадок, Пятницкая (архитектор Марцинковский, 1865) и Св. Никольская (архитекторы А.Рязанов, Н.Чагин, 1866) церкви, возводятся Екатерининская (архитектор Н.Чагин, 1872), Романовская (архитектор В.Адамович, 1913) и Тихона Задонского (1914) церкви, Пречистенский кафедральный собор (А.Рязанов, Н.Чагин, 1868). В Риге строятся Христорождественский кафедральный собор (архитекторы Р.Пфлуг, Н.Чагин, 1884) и Вознесенский храм (архитектор В.Лунский, 1896). В Двинске возводятся Александро-Невский (архитектор И.Таманский, 1864) и Борисоглебовский соборы (архитектор М.Прозоров, 1905). Александро-Невский храм ставится и в Стамериене (1904). В Курляндии возводится Либавский Свято-Никольский морской собор (архитектор В.Косяков, 1903). В Эстляндии - Воскресенский собор в Нарве (П.Алиш, 1897) и Владимирская церковь в Гунгербурге (Усть-Нарве, архитектор А.Иванов, 1893), кафедральный собор во имя Св. благоверного князя Александра Невского (архитектор М.Преображенский, 1898) в Ревеле, церковь Казанской Богоматери в Мерикюла (архитектор Измайлов, 1868).

Храмы возводятся и практически во всех местах проживания русского населения, местах поста русских гарнизонов. Например, ставится «Железная» церковь в Динабурге (1866) (впоследствии переносится в Ерсике), в 1908 году возводится полковая церковь Изборского полка в Риге, в 1845 году возводится Петропавловский крепостной собор (архитектор К.Лымаренко) в Ковно.

Наряду с храмами, возводятся православные часовни. Среди наиболее заметных в художественном отношении Александро-Невская (Н.Чагин, 1865) в центре города и Георгиевская часовня на месте захоронения русских воинов на Евфросиниевском кладбище в Вильно, Александро-Невская в Риге (архитектор А.Кизельбаш, 1889), во имя Спасителя в Ревеле (Н.Тамм, 1909).

В распоряжении православной церкви в Вильно передается архиерейский дом, который подвергается значительной реконструкции (архитектор Ф.Тыщецкий, конец XIX столетия). В наказание за активную поддержку антирусских восстаний у католической церкви

отбирается ряд костелов и монастырей, которые также передаются православной церкви или закрываются. В Вильно, например, здание католического Св.Казимировского костела было перестроено в кафедральный православный собор и освящено во имя Св. Николая Чудотворца.

В Эстляндии открывается новый Свято-Успенский женский монастырь в Пюхтице (архитекторы М.Преображенский, А.Полещук, 1891). В Риге вокруг Алексеевской церкви возводится комплекс архиерейского подворья и открывается Алексеевский мужской монастырь (1896.). Здесь же, в Риге, основывается Свято-Троицкий женский монастырь (1891), в котором возводится Свято-Троицкий храм (архитектор Н.Пекшен, 1907). В Вильнюсе в 1865 году основывается женский монастырь во имя Св.Марии-Магдалины.

В Риге для подготовки священников открывается православное училище, а потом духовная семинария. Для нее возводится специальное здание (архитектор Г.Шелл, 1886). В Вильно еще в 1845 году в Свято-Духовом монастыре открывается Литовская духовная семинария.

Строительство этих и многих других храмов и монастырей, открытие семинарий и училищ связано не только с ростом численности русского населения, но и с тем, что многие латыши, эстонцы и литовцы добровольно принимают православную веру.

Практически все церкви и монастыри возводятся при личном участии в отборе проектов и мест размещения, с финансовой поддержкой, правящего императорского дома. Представители последнего в обязательном порядке присутствуют на их освящении.

Наряду с православием, в восточно-балтийских провинциях продолжает сохраняться старообрядчество, религиозными общинами открываются новые моленные, устраиваются новые кладбища. В Виленском крае, например, открывается Виленская Свято-Покровская (1866), Укмергская Свято-Покровская (1877), Перелазкая Крестовоздвиженская (1905), Каунская Свято-Никольская (1906) церкви. В Лифляндии возводится храм Резекненской кладбищенской церкви (1865), Войновской (архитектор Н.Сергеев, 1906), Тискадской старообрядческой (1886) общин, а также Двинский Благовещенский

(1886) храм. В Эстляндии, в Каласте, открывается староверческая молельная Успения Богородицы (1865).

Попытки интегрировать староверов в православие ведут к развитию единоверия. Возводится единоверческая Троицкая церковь в Тискадах(1878), Петропавловская церковь в Данишевке (1871), строится новый храм Св.Михаила Архангела в Риге(1895)(старый деревянный единоверческий храм существовал еще с 1837 г.), храм Гайковской (1886-1907) общины в Даугавпилсе.

В Восточной Балтии складывается практика установки художественно выполненных памятников на могилах богатых и знатных русских горожан. Среди них можно отметить памятники А.Львову, семействам Дараган, Цейдлеров, Трутневых, Чехихину и ряд других.

Развивается также традиция возведения монументальных памятников и памятных знаков в общественных местах. К наиболее значимым следует отнести памятник русским морякам погибшим на броненосце «Русалка» (архитектор А.Адамсон, 1902), памятник императору Петру I и памятник на могиле адмирала И.Изельметьву в Ревеле, обелиски императору Петру I в Нарве и на острове Гросхольм (1874), памятник петровским солдатам в Сийвертси, Нарва (автор проекта полковник А.Зейферт, 1900), памятник академику К.Бэру в Дерпте (скульптор А.Опекушин, 1886), памятники императрице Екатерине II (скульптор П.Антокольский, 1904) и генерал-губернатору М.Муравьеву (скульптор М.Чижов, 1898) в Вильно.

В Риге устанавливают памятник петровским воинам павшим в 1701году на Луцавсале (архитектор Б.Эпингер, 1891), памятники полководцу М.Барклаю де Толли (скульптор В.Виндштейнер, 1913) и императору Петру I (скульптор Г.Шмидт-Кассель, 1910). В соответствии со сложившейся общероссийской практикой, в закладке идейного содержания этих памятников активно участвовала высшая правящая элита, она же щедро жертвовала средства на их создание и установку, регулярно проводила у установленных памятников молебны, народные празднества.

В последней четверти XIX века имперская политика национального строительства начинает распространяться на сферу светской культуры

и образования. В Тартуском университете и, в построенном в 1894 году, также на деньги российской казны, Рижском политехническом институте (архитектор А.Хилбиг, 1869), преподавание переводится на русский язык, появляются русские преподаватели и студенты. В Паневежесе открывается учительская семинария(1872). В балтийских городах открываются реальные училища и гимназии, в которых преподавание ведется на русском языке. В них, помимо русских, принимают латышских, эстонских, литовских детей. Для этих учебных заведений за счет средств казны возводятся специальные здания. В Вильно это, например, Мариинская женская гимназия (М.Прозоров, 1903), в Ревеле - Петровское реальное училище (архитектор М.Гепеннер, 1884.), в Риге - Александровская гимназия (Я.Бауманис, 1875). В конце XIX столетия в Риге, на Николаевской улице возводится целая серия русских гимназий и реальных училищ.

В рассматриваемый период в губернских городах появились постоянные русские театры. В Вильно в 1845-1917 годах русская труппа дает представления в приспособленных для этого помещениях городской Ратуши. В Ревле построили здание театра «Эстония» (архитекторы А.Линдгрэн, В.Ленн, 1913), которое использовалось как эстонской, так и русской труппами. В Риге специально возвели здание Русского (второго) драматического театра (архитектор А.Рейнберг, 1902). В последнем разрешалось выступление латышской труппы.

В крупных городах начинает развиваться русская общественная жизнь. Для удовлетворения возникших культурных нужд русского населения возводятся здания Ревельского русского общественного собрания (архитекторы И.Преображенский, Р.Кнюпфер, 1895), Виленского промышленно-купеческого Общественного собрания (М.Прозоров, 1913), здание Либавского Морского офицерского собрания (архитектор С.Гелензовский, 1907) и ряд других.

В Восточной Балтии еще с начала XIX века начинают формироваться коллекции предметов, которые связаны с жизнью местного русского общества. В Риге для хранения коллекций и книг строится Домский комплекс (1893 год), а для хранения картин, в том числе большой коллекции картин русских художников, здание Художественного музея (архитектор В.Нейман, 1903). В 1856 году в здании закрытого к этому времени Виленского университета, открывается Виленский музей древностей, который становится хранилищем большого количества

связанных с жизнью русских предметов, книг, документов. В 1803 году при Тартуском университете был основан первый публичный музей и картинная галерея в которых, помимо всего прочего, собирались и предметы местной русской материальной культуры.

3.3. Русское рассеяние в Латвии, Эстонии и Литвы в 1918-1940-х гг и судьба их памятников материальной культуры.

Развернувшаяся в начале XX века цепь социальных революций и первая мировая война подорвали устойчивость Российской империи. От уже сформировавшейся в Великороссии русской нации отпало проживавшее на окраинах инородное население. Оно стало строить свои собственные нации, создавать собственные государства. Восстановление, распавшейся было, нации происходило в ходе тяжелой гражданской войны и уже на новой социальной основе. Бывшие недолгое время самостоятельными национальные республики объединились в союзное государство – СССР.

Пришедшая к власти в СССР советская (большевистская) элита начала формировать уже не русскую, а советскую нацию, которую называли, правда, советским народом. Вместо православных и русских светских духовных ценностей массам были предложены коммунистические, интернациональные идеи.

В это время массово закрываются, и даже уничтожаются, православные церкви и монастыри, сносятся памятники российским императорам и полководцам, «реновируются» фасады административных зданий, проходят чистки фондов музеев, архивов, библиотек. Повсюду устанавливается советская символика, возводятся советские монументальные сооружения. План монументальной пропаганды составляется лично руководителем советского государства В. Лениным и затем последовательно воплощается в жизнь высшим советским руководством.

Сопrotивление влиятельных внешних сил не позволяет сразу включить Восточную Балтию в состав СССР и на протяжении 1920-1940 гг. на ее территории существуют самостоятельные республики: Латвия, Литва и Эстония. В них идет активное строительство латышской, литовской и эстонской наций. В середине 30-х годов национальное строительство приобретает агрессивный по отношению к

иногородцам характер, властями предпринимаются шаги по их насильственной ассимиляции.

Русское население новых балтийских стран резко сокращается в результате революций, войн и эвакуаций. Невольно оно оказывается в эмиграции, с разрушенными социальными связями и превращается из-за этого в рассеяние. К тому же русское рассеяние лишается поддержки своего национального государства, которое отказывается от всех бывших российских подданных, если они не принимают советские ценности и таким образом не включаются в новую, советскую нацию. Радикальным образом упрощается социальная структура русского населения новых стран Балтии. Национальная форма русского социального бытия в рассеянии упрощается до народной.

Все эти процессы происходят в тесной взаимосвязи с судьбой созданных ранее предметов материальной культуры, обеспечивающих социальное воспроизводство русских.

Русское чиновничество и дворянство теряют свое господствующее положение в новой социальной иерархии, свои привычные источники средств существования. Дворцы и административные здания в которых они раньше несли свою службу переходят в руки новой национальной элиты, с них снимают все имперские символы и устанавливают новые - национальные. Все дворянские имения, русские в том числе, новые власти конфисковывают, а землю передают крестьянам титульного происхождения. Морские и наземные крепости в странах Балтии были разрушены еще в ходе первой мировой войны. Сохранившиеся штабные здания, казармы, склады приспособляются для нужд новых национальных армий. До службы в эти армии бывших русских офицеров не допускают

Крупные русские предприниматели и банкиры теряют финансовые ресурсы, оборудование, рынки сбыта, а потому вынуждены закрывать свои фабрики и заводы, увольнять с них рабочих, русских в том числе. Власти оказывают поддержку только национальному капиталу. «Русская» компонента истории всех этих предприятий тщательно стирается и из общественной памяти, и с фасадов зданий. Обедневшие русские предприниматели теряют большую часть своих жилых и сдаваемых в наем домов.

Новые национальные власти проводят ограничительную политику в отношении Русской православной церкви, несмотря на то, что значительная часть титульного населения является ее прихожанами. Латвийскую и Эстонскую церкви в условиях неразберихи гражданской войны власти понуждают провозгласить самостоятельность и перейти в ведение Константинопольского патриархата. Литовская русская православная церковь остается в подчинении Московского патриархата, но не имеет какой-либо поддержки от него, поскольку он сам подвергается тяжким гонениям.

В Риге и Таллинне на длительное время закрываются кафедральные соборы и власти хотят их даже снести. Некоторые церкви и часовни сносятся под предлогом реконструкции городов. В Риге у православной церкви в двадцатых годах отбирается Алексеевский монастырь и архиерейский дом, храм Петра и Павла, здания духовного училища и духовной семинарии, в Лиепаве - Свято-Никольский собор. В Каунасе у православных отбирают Петропавловский собор. В Литве множество православных храмов было разрушено еще во время войны, а после войны все бывшие когда-то католическими храмы и монастыри отдаются латинянам.

Позже давление властей балтийских стран на православие несколько ослабевает, начинают действовать закрытые было храмы. В Риге появляется возможность достроить, начатый еще до войны, Иоановский храм (архитектор В.Лунский, 1934), возводится Всехсвятская церковь в Ливанах (архитектор В.Шервинский, 1939). В ревельском районе Коппель (Копли) на православном кладбище Северо-западной русской армии возводится Георгиевская часовня (архитектор А.Владовский, 1936), в Куремяэ ставится Успенская часовня (1931). Русская эмиграция открывает храмы в Хийу и в ряде других мест Эстонии. В Каунасе немногочисленная православная община взамен отнятого у нее кафедрального собора, возводит Благовещенский храм (1935), в Тяльшай строится Св.Никольский храм (архитектор В.Копылов, 1939).

Старообрядческие общины сохраняются и даже расширяются. Они также строят новые храмы. Например, в Даугавпилсе возводится храм во имя Рождества Богородицы и Св. Николая (1928).

В странах Балтии русские лишаются защиты государства. Это ведет к тому, что у них отбирают практически все здания образовательного и культурного профиля. В Латвийском и Тартуском университетах прекращается преподавание на русском языке. Русские преподаватели из этих вузов постепенно вытесняются, число русских студентов резко сокращается. Здание Александровской гимназии в Риге передается национальной Консерватории, латышским школам передаются также все другие здания русских гимназий и училищ в Латвии. Эстонской школе передается здание русского Петровского реального училища. Таким же образом действуют и литовские власти. После установления националистических диктатур в середине 30-х годов русские лишаются возможности получить среднее образование на родном языке.

Русские вынуждены теперь многие социальные функции выполнять силами своих общин и без принадлежащей им ранее материальной базы. Например, в Риге для обучения русской молодежи, на общественных началах, создается Русский институт университетских зданий, который вынужден арендовать учебные помещения. Помещения арендуют также рижские русские частные гимназии Л.Тайловой и Т.Лишиной. В Каунасе депутат литовского Сейма А. Тымианский открывает общинную русскую гимназию и вынужден строить для нее новое здание (1924). Русская студенческая корпорация в Риге строит свое здание(В.Шервинский, 1930).

Не лучше обстоят дела и в области русской культуры. Здание Русского (второго) драматического театра в Риге в 1919 году отбирается у русской и передается латышской труппе. Здание вильнюсской Ратуши национализируется и в ней прекращается работа русской театральной труппы. Замирает русская культурная жизнь и в других балтийских городах.

Одновременно из местных музеев убирают все те экспонаты, которые хоть в какой-то степени свидетельствуют о присутствии русских в странах Балтии до революции. Часть музейных коллекций, книжного фонда, архивов, из опасений захвата их немцами, в 1915 года вывозится из балтийских провинций в Россию. Опасения эти не были беспочвенными, поскольку, оставленный, например, в Ковно монумент Победы 1812 года, немцами уничтожается.

Одной из важнейших задач русских общин в новых социальных условиях становится обустройство могил и возведение на них памятных знаков воинам, павшим в первой мировой и гражданской войнах. Из-за нехватки средств ставятся обыкновенные кресты и самые простые памятники. Так, устанавливаются бетонные монументы с крестами воинам павшим в первой мировой войне на кладбищах в Риге и Лиепае. В Эстонии устраиваются некрополи воинов Северо-западной добровольческой русской армии, ставятся памятники на могилах русских воинов умерших от ран в госпиталях. Захоронения павших воинов Западной добровольческой русской армии, которые выступили против новых властей Латвии и Эстонии, последними полностью уничтожаются и русским общинам сохранить, а тем более поставить на них кресты, не удается. Еще в ходе войны у православного Вознесенского собора были похоронены павшие защитники Ковенской крепости, позже русская общественность поставила на месте захоронения памятный крест. При участии латвийских властей были установлены памятные знаки русским и латышским воинам павшим в сражениях первой мировой войны на Пулеметной горке и памятник на острове Смерти (Э.Лаубе, 1924). Однако надписи на этих знаках и памятнике были сделаны только на латышском языке и упоминаний о русских стрелках в них не было.

Еще в ходе первой мировой войны, из-за угрозы немецкого наступления, демонтируются и увозятся вглубь страны памятники российским государственным деятелям и полководцам. Большая их часть бесследно исчезает в Советской России. Оставшиеся национальными властями постепенно сносятся или переносятся на окраины городов. Так, в Риге в 1936 году была снесена колонна Победе 1812 года, Александровская арка перенесена с центральной улицы в парк Виестура. В 1922 году в Таллинне сносятся памятник, а в Нарве обелиск императору Петру I.

В итоге, в новых странах Балтии русские лишились практически всех созданных ими ранее движимых и недвижимых предметов материальной культуры, за исключением находившихся в личной собственности, лишились они и значительной части предметов материальной культуры, которые могли бы выполнять функции национальных символов. Защиты со стороны России в этом плане балтийские русские не получили, поскольку их не рассматривали в качестве составной части советской нации.

3.4.«Советские» русские в республиках Прибалтики в период с 1940 по 1991 год, и их памятники материальной культуры.

С присоединением стран Балтии к СССР и установлением в них советской власти положение старожильского русского населения существенно изменилось. С одной стороны, оно избавилось от давления со стороны чужих национальных государств и приобрело возможность свободно пользоваться родным языком, получать на нем образование, избавилось от этнических ограничений при приеме на работу. С другой стороны, русские, вместе с титульным населением, стали объектом тотальной советизации и быстро превратились в «советских» русских.

В отношении недвижимых и движимых памятников материальной культуры процесс советизация приобрел следующие формы.

С административных зданий новые власти снимают все знаки их принадлежности к бывшим национальным государствам и устанавливают советскую символику. Характерно, что многие старые административные здания, которые несли имперскую идейную нагрузку, советскими властями по назначению не используются. Так, например, бывшую резиденцию российского генерал-губернатора и национального президента в Риге передают Дому пионеров и музею, в Таллинне музею, в Вильнюсе – делают Дворцом работников искусств.

Новых административных зданий длительное время не строят вообще. Затем, возводятся здания утилитарного вида. Примером может служить Дом политического просвещения в Риге (архитекторы В.Кадырков, Ю.Гертманис, 1980), здания ряда райкомов и горкомов.

Военные объекты первоначально стараются разместить в соответствующих их профилю старых солидных зданиях. Так, поступают со штабом Прибалтийского военного округа, Политическим управлением округа. Вильнюсское училище связи, Даугавпилское летно-техническое, Рижское артиллерийское училища размещают в построенных до революции казенных зданиях и крепостях. В шестидесятые и семидесятые года прошлого века традиция советизации военных зданий и сооружений уходит. К примеру, новые базы Рижского артиллерийского и Рижского авиационного училищ

представляют собой уже комплексы безликих учебных, штабных, складских зданий и казарм. Чисто утилитарный вид приобретают и вновь построенные советские военные базы: военно-воздушные в Даугавпилсе, Риге, Шяуляе, Таллинне, морские в Риге, Таллинне, Лиепае, ПВО и ракет стратегического назначения по всей Балтии

Советская власть проводит в новых прибалтийских республиках политику индустриализации: восстанавливает дореволюционные и строит большое количество новых промышленных предприятий. На них привлекаются работники из соседних российских областей. Однако этот процесс не сопровождался предоставлением приезжающим русским каких-либо привилегий, а является следствием того, что трудовые ресурсы местного села, особенно в Латвии и Эстонии, были исчерпаны. На старых предприятиях русская дореволюционная история не вспоминается, соответствующие архитектурные атрибуты на зданиях не восстанавливаются. Внешний вид вновь возводимых производственных зданий делается совершенно безликим. Это, например, наглядно видно по корпусам завода «Балтиец» в Нарве, завода «Альфа» в Риге и всем другим.

Гражданские здания и жилые дома в республиках Советской Прибалтики некоторое время строятся в стиле сталинского ампира и богато украшаются советскими символами: гербами, серпами и молотами, звездами, скульптурами рабочих и колхозниц. Среди этих зданий можно отметить стадион «Даугава» (архитектор В.Шнитников, 1945), дворец культуры завода ВЭФ (архитектор Н.Семенов, 1961), здание Президиума Академии наук Латвийской ССР (архитекторы О.Тилманис, В.Штнитников, 1957), гостиницу «Рига» (архитектор С.Аитонов, 1957) в Риге. В Вильнюсе это здания Республиканской библиотеки (архитектор В.Аникин, 1963), железнодорожного вокзала (архитектор П.Ашастин, 1950). В центре всех трех прибалтийских столиц возводятся многоэтажные «сталинские» жилые дома. Однако потом сталинский «имперский» стиль в архитектуре сменяется типовыми застройками хрущевских и брежневских времен.

В годы «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» по всей Советской Прибалтике было построено огромное количество новых жилых зданий, школ, больниц, поликлиник, спортивных сооружений, библиотек, музеев. Они возводились для удовлетворения социальных потребностей всех жителей, независимо от их этнического

происхождения и не несли в себе ни каких, даже советских духовных ценностей. Поэтому отнести все эти здания к русской материальной культуре можно только достаточно условно, на основании того, что в этих жилых домах проживали, или в социальных институтах работали, преимущественно этнические русские. Такими, условно русскими, объектами материальной культуры можно назвать, например, построенный в 70-е годы Мустамяэский медицинский центр в Таллинне или жилой массив Кенгарагс в Риге.

Православная церковь в республиках Советской Прибалтики подверглась меньшим гонениям, чем в России. Важную роль в этом сыграло желание советских властей опереться на ее духовные ресурсы в борьбе с уже сформировавшимися за годы независимости латышской, эстонской и литовской нациями. В первое послевоенное время восстанавливаются многие разрушенные православные церкви, продолжают действовать монастыри. Правда, отобранные ранее национальными властями у православных храмы и другие здания церкви не возвращаются.

С 60-х годов антирелигиозная кампания разворачивается и в прибалтийских республиках. Закрывается и «перепрофилируется» в советском духе большое число церквей. В Риге, например, Христорождественский кафедральный собор превращается в планетарий, церковь иконы Иверской Божьей Матери перестраивается под клуб, Петропавловский собор приспособляется под склад. Власти Даугавпилса взрывают кафедральный собор во имя Св. Александра Невского (1969). Сносится Георгиевская часовня в районе Копли в Таллинне и подворье Пюхтицкого Святоуспенского женского монастыря в центре города. Закрывается и ликвидируется часть православных кладбищ в центре городов.

Передача русскими православного мировоззрения потомкам становится крайне затруднительна. Лишенная православного духовного ядра, русская молодежь быстро советизируется. Утрачивается, например, культура ухода за захоронениями и памятниками предкам, как родственников, так и русских государственных и общественных деятелей, павших русских воинов. Советизация латышей, эстонцев, литовцев идет менее успешно, поскольку они опираются в своем сознании не на религиозную

духовную компоненту, а на светскую национальную культуру, развитие которой местными коммунистами активно поддерживается.

Особое место в процессе советизации в республиках Советской Прибалтики отводилось памятникам Сталину, Ленину, другим известным революционерам, местным коммунистическим и советским деятелям. Они устанавливаются практически во всех городах на видном месте, вокруг них регулярно организовываются демонстрации, митинги, парады, организовывается массовое возложение цветов. Для усиления воздействия советских памятников выпускается большое количество альбомов и открыток.

Попытки включить в систему советских ценностей захоронения и памятники советским воинам погибшим в годы Великой Отечественной войны, а также жертвам фашистского террора оказываются менее удачными. Эти материальные знаки, помимо воли властей, приобретают русский характер, поскольку основная часть погибших является русскими людьми. Значительная же часть латышей, литовцев и эстонцев сражалась во время войны на стороне немцев и поэтому не воспринимала захоронения и памятники советским воинам, как свои. Советская форма этих памятников и захоронений не меняла их национальной сути.

Более успешными были попытки властей организовать почитание павших в борьбе за советскую власть в годы революций и гражданской войны, поскольку среди них было большое количество представителей титульных народов. Зато из пантеона были полностью исключены все дореволюционные герои и герои Первой мировой войны, русские воины защищавшие Россию в годы революций и гражданской войны.

Огромное число советских воинов погибших на территории Восточной Балтии в годы Великой Отечественной войны определило большое число их захоронений. Среди крупных воинских захоронений следует отметить Гарнизонное и Братское кладбища в Риге, Городское воинское братское кладбище № 1 в Даугавпилсе, захоронения советских воинов в Паневежисе (1953), в поселке Циргулина Валгского уезда (1944). Крупными мемориальными комплексами стали в Латвии памятник Победы (Л.Буковский, А.Бугаев, А.Гульис и др., 1985), стела на месте форсирования советскими войсками Киш-озера в Риге. В Эстонии следует отметить монумент освободителям Таллинна (т.н.

«Бронзовый солдат», архитектор А.Алас, скульптор Э.Росс, 1947) в Таллине, памятник на братской могиле советских воинов в Синямяэ (1952), памятник советскому десанту в Мерикюла (1972), мемориал «Три штыка» (М.Шамсутдинов, 1974) под Нарвой. В Литве в честь павших советских солдат был создан Антакальский мемориальный ансамбль (Л.Казаринский, А.Колосов, 1951) в Вильнюсе, мемориал Аукштейин Шанчяй в Каунасе, мемориалы в Клайпеде (1975) и в Неринге, на Куршской косе(1967).

Жертвам фашистского террора был открыт мемориал в Аудрини (1967) (Резекненский район), Саласпилский мемориальный комплекс (Л.Буковский, Я.Зариньш, Г.Асарис, 1967) под Ригой. Памятниками жертвам фашистского террора являются и здания концлагерей, например, здание Шталага-350, в Риге, однако они не были мемориализованы в то время.

В Вильнюсе устанавливается памятник освобождавшему город генералу И.Черняховскому (Н.Томский, Л.Голубовский, 1950). В Нарве ставится памятник герою Советского Союза лейтенанту И.Графову, в Таллинне - герою Советского Союза моряку Е.Никонову, которые погибли при их освобождении. В центре Вильнюса на Зеленом мосту устанавливаются металлические скульптуры советских воинов, учащихся и рабочих (Г.Попов, В.Аникин, Б.Пундзюс и др., 1952).

В ознаменование Победы над немецкими захватчиками складывается традиция устанавливать на месте ожесточенных боев типичное советское боевое оружие. Так, на месте форсирования р. Нарвы советскими войсками устанавливается танк Т-34, в Риге и в Даугавпилсе, перед авиационными военными училищами, ставится на постамент самолеты, в Риге перед артиллерийским военным училищем - пушки.

В послевоенный период в Советской Прибалтике власти разрешают установить ряд памятников местным русским ученым и деятелям культуры. Так, в Тарту открываются памятники хирургам Н.Бурденко (А.Вомм, Л.Израель, 1952) и Н.Пирогову (Ю.Раудсеп, А.Мэльдер, 1952), в Риге - памятник математику Л.Келдышу (Л.Буковский, 1978), в Мадлиене, на кладбище, памятник художнику К.Гуну (О.Нигуле, 1973). В Вильнюсе ставится памятник А.Пушкину (Б.Вишняускас, А. и В.Насвичяй, 1949). Однако все эти памятники местное русское

население воспринимает как элементы советской, а не русской культуры. Об утраченных российских памятниках, об истории зданий имперского и даже довоенного периода оно практически ничего не знает.

В сфере образования и культуры советская власть проводит двойственную национальную политику. Она поддерживает образование всех уровней и на русском, и на национальных языках, издает на двух языках журналы, газеты, книги, создает исключительные условия для развития национальных культур, а местную русскую культуру поддерживает слабо. Для осуществления этой двойственной национальной политики перераспределяется старая и создается мощная новая материальная база.

Так, в Риге открывается новый Политехнический институт и для него возводится главное здание (Р.Тилманис, В.Шнитников и др., 1959), строятся корпуса Рижского института инженеров гражданской авиации, в Лиепае и Даугавпилсе - корпуса педагогических институтов. В Таллине и Каунасе открываются политехнические институты. Среди преподавателей и студентов во всех этих вузах появляется достаточно большое количество русских.

Аналогичная ситуация складывается и во вновь созданных в прибалтийских советских республиках академиях наук. Для них возводят новые, либо отводятся обширные старые здания, в них формируются смешанные трудовые коллективы.

Некоторые здания дореволюционных гимназий и реальных училищ передаются для размещения в них русских школ. По типовым проектам строится большое количество новых школ в которых дети обучаются и на русском, и на национальных языках. Во всех школах дети изучают русский язык и литературу, однако процесс преподавания в целом нацелен на формирование советской идентичности.

Здание Русского (второго) театра в Риге при советской власти русской труппе не возвращается - она получает новое здание для выступлений. В Вильнюсе русской драматической труппе передается сначала реконструированное здание на ул.Капсуко, затем в 1986 г. - здание бывшего Польского театра, а здание городской Ратуши, где она ранее размещалась, отводится под музей. В Таллине русской драматической

труппе передается здание бывшего кинотеатра. В Таллине для культурных нужд военных строится Дом офицеров военно-морского флота (А.Кузнецов,1954), в Риге под Дом офицеров передается здание бывшего Латышского общества (Мамуля). Во всех городах возводятся многочисленные кинотеатры, в которых демонстрируются фильмы на русском с субтитрами на национальных языках. Зато, преимущественно на национальных языках вещает местное радио и телевидение без субтитров. Русские же смотрят московские программы и формируются в другом, более советизированном информационном пространстве. Самостоятельные информационные пространства существуют и в прессе, журналах, книгоиздании.

Советская власть заботится о сохранении и расширении местных коллекций артефактов, собраний книг, архивов. Для их размещения строятся новые музеи, библиотеки, хранилища. В составе всех коллекций и собраний присутствуют и те предметы материальной культуры, которые свидетельствуют о русском прошлом и настоящем Прибалтики. Однако предметы эти не выставляются, многие книги закрываются в спецхранах, архивы не становятся предметами научных исследований, заключенные в них русские идеи до общества не доходят. Акцент делается только на советском периоде история Прибалтики, на жизни советского народа. Так, например, изданные за рубежом книги поэта Игоря-Северянина попадают в Научной библиотеке АН ЭССР и в Тартуском литературном музее им. Ф.Крейцвальда на специальное хранение, доступ к которому ограничен.

Таким образом, движимые и недвижимые памятники материальной культуры в республиках Советской Прибалтики полностью служили целям формирования единой советской нации. Этнические латыши, литовцы и эстонцы подвергались при этом значительно меньшему идеологическому воздействию, чем этнические русские, а в силу этого были менее советизированы.

3.5. Возрождение русской нации в странах Балтии в период с 1991 по 2009 годы и роль памятников материальной культуры в этом процессе.

Советская нация оказалась недостаточно крепким социальным образованием, поскольку в полной мере не опиралась на, единственно пригодный для этого, великорусский народный элемент. В конце 1980-х гг., под воздействием непродуманных политических реформ, советская нация стала распадаться на свои исходные народные составляющие. От ядра СССР - России вновь отделились все национальные окраины и проживающие в них народы стали строить свои собственные нации.

В России же продолжилось строительство советской нации, только назвали ее теперь российской. Новая российская нация обладала всеми теми же недостатками, что и советская. Эти недостатки сразу же проявились в форме попыток отдельных этнических элит отделиться вместе со своими народами от великорусского ядра, что поставило Россию перед угрозой распада по национальным швам. Угроза распада страны была преодолена новой российской элитой в начале нового столетия, однако систематического пересмотра национальной политики не произошло. В частности, оставшиеся за границей бывшие советские граждане так и остались с неопределенным социальным статусом соотечественников, хотя отношение к ним России после 2000 года коренным образом улучшилось. Однако их так и не стали рассматривать частью разделенной русской нации, поскольку сама российская элита сознательно к строительству единой русской нации так и не приступила.

На территории Восточной Балтии образовались независимые государства Латвия, Литва и Эстония. Слабо советизированные титульные элиты в них незамедлительно приступили к строительству собственных наций. Под воздействием враждебных России внешних сил они стали проводить крайне радикальную национальную политику: принудительно вытеснять из страны русское население, подвергать оставшихся дискриминации. Большую часть русских в Эстонии и Латвии, например, лишили прав гражданства. Русский язык повсюду исключили из использования в официальной сфере, а всех тех, кто плохо владел титульными языками стали увольнять с государственной службы. Было прекращено обучение в вузах и старших классах

средних школах на русском языке, перестали финансировать русскую культуру.

Все эти обстоятельства оказали существенное влияние на судьбу материальных ресурсов, использовавшихся ранее для социального воспроизводства, пусть сильно советизированного, русского населения.

В Латвии, Литве и Эстонии новые власти присвоили себе все административные, военные, промышленные, общественные и жилые здания, движимые и недвижимые памятники материальной культуры. Административные здания стали использоваться по их прямому назначению, с них только сняли советскую и установили национальную символику. Из бывших царских и генерал-губернаторских дворцов были выселены музеи и дома пионеров, и в них въехали президенты вновь образовавшихся республик.

Сняли советскую символику и с многих общественных зданий. Некоторые из «реновированных» таким образом строений, как например здание Президиума Академии наук Латвии и сталинские жилые высотные здания в Вильнюсе и Таллине, приобрели крайне непрезентабельный вид.

Военные здания и сооружения, поскольку они не несли на себе какой-либо советской идейной нагрузки сразу стали использоваться национальными армиями, либо были проданы коммерческим фирмам. Некоторые из них, как например станция космического слежения в Скрунде, были уничтожены.

Многие крупные промышленные предприятия закрыли, а занятых на них рабочих, в первую очередь русских, уволили. Производственные корпуса сносили, либо приспособляли под торговые заведения, офисы, жилье. Так, в Риге на месте завода «Альфа» возвели гипермаркет, а корпуса Гипсовой фабрики превратили в элитный жилой комплекс. В Таллине производственные корпуса радиозавода «Пунане РЭТ» перестроили в торговый центр.

Большинство общественных и жилых зданий также не нуждалось в какой-либо «десоветизации», их внешний вид был быстро «вестернизирован» с помощью наружной рекламы.

Православная церковь в странах Балтии, избавившись от ограничений советского времени, начинает быстро возрождаться. Она осталась в духовном подчинении Московской патриархии. Местным церквям власти возвратили большую часть национализированного при советской власти имущества. Восстанавливается много старых и строятся новые храмы. В Литве, например, возводится Покровский храм в Клайпеде (Й.Виртулис, 2008), храм во имя иконы Божьей Матери «Иверская» в Паланге (Д.Борунов, 2002). В Латвии восстанавливается Христорождественский кафедральный собор, храм Свв.Семиона и Анны в Елгаве, Св. Александровский храм в Стаммериене, строится новый храм в честь Георгия Победоносца в Саласпилсе и ряд других. В Эстонии, в Валге возводится храм Владимирской иконы Божией Матери (2001), в Маарду построен храм Архангела Михаила (1998г.). Строится церковь во имя иконы Скоропослушница в таллинском районе Ласнамяэ, в Нарве – построен храм иконы Божией Матери (Григорьев, 2003) и другие.

Однако такие храмы как Петропавловский в Риге и Петропавловский в Каунасе, архиерейские дома в Риге и Вильнюсе, здание семинарии в Риге и ряд других православной церкви не возвращаются. В Эстонии регистрируется православная церковь Константинопольского патриархата и власти передают ей основную часть храмов, хотя в них и нет прихожан.

В странах Балтии возрождается и староверческая церковь. Прихожане активно ремонтируют старые, возводят новые храмы.

Возрождение исконной православной веры привело к восстановлению у русских людей уважения к своим предкам, к поставленным им памятникам. Силами русской общественности повсюду стали приводятся в порядок заброшенные православные кладбища, восстанавливаются находящиеся на них памятники.

Меняется отношение балтийских русских и к мемориальным памятникам. В Таллине на средства общественности открывается памятник писателю Ф.Достоевскому (В.Евдокимов, 2002). В Риге ремонтируется обветшавший памятник петровским солдатам, павшим в 1701 году на Луцавсале (2004), предпринимателем Е.Гомбергом восстанавливаются памятники М.Барклаю де Толли (2002) и Петру I (2003). Однако на установку последнего городские власти разрешения

не дают, и он находит пристанище на задворках дома восстановившего его предпринимателя. В Даугавпилсе, при поддержке правительства Москвы, в 2007 году устанавливается памятник российскому градоначальнику А.Дубровину (А.Таратынов, 2007), а в 2009 году в Риге памятник поэту А.Пушкину (А.Таратынов) В Вильнюсе русские общины устанавливают памятные доски на домах связанных с жизнью патриарха Тихона, артиста В.Качалова, философа Л.Карсавина и ряда других. В Таллине устанавливается памятник на могиле поэта Игоря-Северянина (И.Зубака, 1992), в Нарве открывается памятник поэту А.Пушкину (М.Аникушин, 1999). Городские власти в Нарве ищут место для бюста Петру I.

Пришедшие в странах Балтии к власти националы беспрепятственно демонтировали памятники революционерам, советским и коммунистическим деятелям, убрали с постаментов советское оружие, выполнявшее символические функции. Дело дошло до сноса находившихся в публичных местах памятников советским воинам. В Вильнюсе, например, в 1991 году демонтировали памятник генералу И.Черняховскому(который был впоследствии вывезен в Воронеж), в Таллине в 1992 году памятник герою Советского Союза моряку Е.Никонову. В Риге в 90-е годы национал-радикалами было предпринято несколько попыток взорвать памятник Победы. Был снесен, поврежден или перенесен и целый ряд других памятников и памятных знаков советским воинам.

С исчезновением советских памятников ушли в прошлое и проводимые вокруг них праздничные мероприятия, ускорился распад советской нации. Латышская, литовская и эстонская элиты сразу же выбрали для мобилизации своего населения новые памятники, а русские на длительное время оказались вообще без национальных символов имевших материальное воплощение.

Восстановление национальных духовных ценностей вызвало перелом в отношении русских к памятникам советским воинам. Поскольку собственно русских мемориальных памятников на территории стран Балтии не было, то памятники советским воинам стали играть роль национальных символов, мобилизовывать русское население. 9 мая к этим памятникам стало приходить все русское население, возлагать цветы, петь военные песни, отмечать память

павших и поздравлять ветеранов. Появились знаки принадлежности к русской нации – георгиевские ленточки.

Именно поэтому, перенос «Бронзового солдата» в Таллине, сопровождавшийся еще и эксгумацией останков советских воинов, вызвал столь острую реакцию местного русского населения(31,32). Как отмечалось, протесты эстонских русских были поддержаны высшим руководством России. С этого времени Россия начала активно бороться за сохранение памятников советским воинам за рубежом, выделять немалые средства на приведение в порядок советских воинских захоронений и на восстановление находящихся на них надгробий и памятников.

В сфере образования и культуры балтийские русские лишились при новых властях основной части материальных ресурсов социального воспроизводства. Все государственные высшие учебные заведения в странах Балтии перешли на обучение на национальных языках, работавшие в них русские преподаватели, по большей части, были уволены. В Латвии удалось открыть несколько частных вузов в которых сохранилось преподавание на русском языке. Однако владельцам этих вузов, как например владельцам Балтийского Русского института, пришлось строить новые учебные корпуса. Русские школы, под предлогом их оптимизации, закрывались, а их здания передавались латышским школам. Частные русские школы вынуждены были арендовать не приспособленные для этого помещения.

В Риге, Таллине, Вильнюсе в своих старых зданиях продолжают работать русские драматические труппы. Русские культурные запросы в какой то степени удовлетворяют общественные центры. В Таллине такого рода центр располагается в бывшем здании Дома офицеров военно-морского флота (ныне Русский культурный центр), в Риге во вновь построенном Доме Москвы (А.Посохин, 2004), в Даугавпилсе в Доме Калистратова, в Лиепаве в Русском доме. В Вильнюсе подобного русского центра нет, но действует Литературный музей А.С.Пушкина, ассоциация Русский культурный центр и другие учреждения и институты которые, отчасти, выполняют функции русского общественного центра.

Национальные власти изъяли из музейных экспозиций все материальные свидетельства русского присутствия в странах Балтии,

погибли многие библиотечные собрания на русском языке, оставшиеся библиотеки русские книги не приобретают уже на протяжении двадцати лет. Силами общественных организаций проводятся выставки картин русских художников, создаются новые русские библиотеки, однако полноценной замены утраченному материальному культурному наследству они не дают.

В целом, в независимых Балтийских странах второго издания русские, из-за того, что первоначально были лишены политической защиты России, вновь лишились основных материальных ресурсов своего социального воспроизводства. Титульными элитами постоянно предпринимаются попытки лишить их и национальных символов: законодательно запрещена советская символика, уничтожаются памятники советским воинам, которые воспринимаются русскими, как свои.

Более того, в Риге, Вильнюсе, Таллине, Тару в начале 90-х годов были открыты музеи оккупации, в которых советская история представлена в искаженном виде и на советских, а реально на русских, людей возлагается ответственность за издержки классовой борьбы в балтийских странах. Через объявление русских оккупантами обосновывается их дискриминация, предпринимаются попытки выставить претензии к России за якобы нанесенный ей материальный ущерб. То есть, русскую нацию хотят лишить материальных ресурсов воспроизводства не только в странах Балтии, но и в самой России.

4.0. Балтийские уроки строительства русской нации

Уточнение понятийного аппарата и изучение с его помощью балтийского опыта позволяют сформулировать некоторые соображения относительно возможностей более эффективного строительства русской нации с использованием при этом инструментария памятников материальной культуры.

1. Предметы материальной культуры являются неотъемлемым элементом процесса формирования любой социальной общности, нации в том числе. В том случае, когда эти предметы символически отображают определенные духовные ценности, они превращаются в памятники материальной культуры. Властная элита должна в полной мере использовать эти памятники, как инструменты формирования

своей нации, добиваются с их помощью сплочения широких масс населения вокруг общих целей, распространять через них единые нормы поведения.

2. Недвижимые памятники материальной культуры непосредственно, а движимые памятники косвенно, через специально организовываемые экспозиции, «освящают» находящееся вокруг них социальное пространство, наделяют его определенным смысловым содержанием. Поэтому национальные элиты должны защищать свои памятники материальной культуры непосредственно по месту их нахождения. Тем самым, они защищают проживающую на этом пространстве часть своей нации. Разрушение или принижения социальной значимости национальных памятников материальной культуры, в той же степени, что и лишение нации ее материальных ресурсов воспроизводства, ведут к ослаблению возможностей ее воспроизводства, расширяют возможности ее ассимиляции или даже уничтожения чужими нациями.

3. С начала XVIII века русские элиты, наряду с созданием и применением новых социальных институтов, успешно применяли памятники материальной культуры как инструменты национального строительства. Революции и войны начала XX века привели к трансформации русской нации в советскую. Однако при этом опыт использования мемориального инструментария был сначала сохранен и даже успешно развит. Процесс распада советской нации сопровождался утратой элитой опыта использования различного рода памятников материальной культуры для национального строительства.

4. Строительство русской нации на территории Восточной Балтии всегда происходило в условиях ожесточенной конкуренции с немцами, поляками, латышами, литовцами, эстонцами. Русские успешно выдерживали эту конкуренцию, если их политически поддерживало ядро нации находящееся в России. Утрата этой поддержке вела к тому, что они превращались в рассеяние, могли поддерживать свою социальную жизнь только на народном уровне. Балтийские русские всегда успешно использовали памятники материальной культуры для обеспечения собственного национального воспроизводства.

5. В настоящее время руководство балтийских русских общин успешно использует памятники советским воинам павшим в Великой Отечественной войне в качестве русских национальных символов,

мобилизует с их помощью массы населения. Сделать им это позволила большая предварительная работа по формированию уважительного отношения масс к православным сакральным символам, к предкам, их захоронениям, памятникам на их могилах. Неотъемлемой составной частью национального возрождения стала деятельность русских элит по восстановлению кладбищ и памятников воинам петровской эпохи, времен борьбы с нашествием Наполеона, первой мировой, гражданской войны. Параллельно шла работа по восстановлению разрушенных и установке новых памятников русским императорам, полководцам, писателям, ученым, которые были связаны с местной общественной жизнью. Нехватка средств вызывала применение самых простых средств мемориализации, например, установку памятных досок.

6. Российской правящей элитой до сих пор не решен принципиальный вопрос о начале систематического строительства русской нации. В связи с этим она не осваивает инструментария этого строительства, а потому действует с низкой степенью эффективности.

Так, например, по отношению к Эстонии за снос «Бронзового солдата» были применены негласные экономические санкции. Однако именно из-за негласности Грузия не восприняла эти санкции, как реальную угрозу и повторила опыт эстонских властей, демонстративно взорвав монумент Победы в Кутаиси в преддверии празднования 65-й годовщины победы над нацистской Германией. Метод принятия резолюции ООН, осуждающей уничтожение памятников борцам с нацизмом, оказался малоэффективным. Решение российских властей восстановить взорванный памятник в Москве эмоционально оправдано, однако не снимает возникшую проблему, ведь требуется восстановить разрушенное социальное пространство в Грузии, а не укрепить его в Москве.

Другой пример. Достаточно удачная актуализация через средства массовой информации образа Св. Александра Невского в качестве символа России не была закреплена в материальных носителях. Между тем, установка серии памятников этому небесному покровителю России и русского народа, в сопровождении правильно организованных празднеств, существенно бы укрепило русское социальное пространство.

7.Представляется необходимым разработать и реализовать программу восстановления и использования памятников материальной культуры в общем контексте строительства единой русской нации. Русской понимаемой в широком смысле этого слова, включающей в себя помимо великороссов всех тех, кто идентифицирует себя с русскими духовными ценностями.

Программа эта должна быть реализуема не только в России, но и на всем постсоветском пространстве, на территории всего Русского мира. В программу следует включить по восстановлению старых и строительству новых недвижимых материальных памятников культуры, актуализации движимого материального наследства.

Отдельные меры должны быть предприняты по вовлечению в реализацию предлагаемой программы, как русской элиты, так и широких масс русского населения.

Накопленный дореволюционный и советский опыт дает достаточный материал для составления и реализации программы использования материального культурного наследия в качестве инструмента строительства русской нации.

5.0. Список использованной литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-Ц., 2001. - 287с.
- 2.. Смит Э.Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. -464с.
- 3.Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: «Алетейя»,1998. -306с.
- 4.Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон, 2001.- 400с.
5. Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.- 536с.
- 6.Платонов О. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. Т.1, -896с., т.2,-1040с. М.: «Родник», 1997.
- 7.Русская доктрина. М.:Яуза пресс, 2007. -864с.
- 8.Проект Россия., т.1,2,3. М.:Эксмо, 2007.
9. Carl, G.Liungman. Symbols – Encyclopedia of Western Signs and Ideograms. N.-Y. HME Publihans. 2004. -644p.
- 10.Список статей по тематике символов на английском языке.
<http://www.experiencefestival.com/symbol - nature of symbols/articleindex>

11. Roland Barthes. Elements of Semiology. London: Jonathan Cape; New York: Hill and Wang, 1967. -245p.
12. Roland Barthes. Mythologies. Ed. and trans. Annette Lavers. London: Jonathan Cape, 1972.
13. Беловинский. В. История русской материальной культуры: Учебное пособие. Часть I. — М.: Издательство МГУК, 1995. - 112 с.
14. Энциклопедия материальной культуры. Г.Вейс. М.: Директмедиа публишес. 2004. 1000с.
15. Сокол К. Монументальные памятники российской империи, М.: Вагриус Плюс, 2006 год.-432с.
16. Маркс К. Капитал, т.1-4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.23-27.
17. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.42,
18. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.46, ч.1-2
19. Нетесин Ю.Н. Сфера личного потребления как воспроизводство человека. Известия АН Латв. ССР, N 10, 1980.
20. Нетесин Ю.Н. Воспроизводство человека: политико-экономический аспект. Рига: Зинатне, 1988. -224с
21. Гуляева Н. Социальная сфера как объект управления и социальное развитие. Энциклопедия. Просвещение.Ру. <http://www.internet-school.ru/Enc.ashx?item=10710>
22. Галкин Д. Культуры социологические исследования. Энциклопедия социологии. <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc->
23. Котляр Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1990. -568с.
24. Гапоненко А. Домохозяйство как первичное и основное звено формирования трудового потенциала общества. В сб.: Экономика семьи. Рига: Зинатне, 1988. -166с.
25. Гапоненко А. Семейное подразделение сферы воспроизводства человека в Латвийской ССР. Известия АН Латв. ССР. 1981, N 10.
26. Алексеев В.В. Род, племя, народность, нация как исторические формы общности людей. – М., 1962;. -284с.
27. Архангельский А. И. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. – М., 1961. -342с.
28. Севастьянов А. Этнос и нация. <http://www.sevastianov.ru/rasa-i-etnos/etnos-i-natsiya-31.html>
29. Савихин Ф., Касиков А. Когда и как Западное Причудье заселялось русскими? // <http://www.moles.ee/07/Jun/01/>..., за .../Jul/06/ .../Jul/13/.

30. Воробьева Л. История Латвии от Российской империи к СССР. Кн.1.М.: Фонд Историческая память, РИСИ. 2009.- 232с.
31. Петров М. Два мемориала: линия разлома, Таллинн, 2006.-36с.
32. Петров М. Бронзовый солдат: окончательное решение. Таллинн, 2007.-48с.